

**ПИСЬМА
РУССКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	7
Как малые ребята горох воровали (<i>Сергач</i>)	9
Черный крест в кроваво-красном поле (<i>Спасск-Рязанский</i>)	34
Лев, покрытый глазурью (<i>Скопин</i>)	56
Сто пятьдесят пудов булавок (<i>Пронск</i>)	94
Кружева из цветных ниток (<i>Михайлов</i>)	131
Русский геркулес (<i>Котельнич</i>)	165
Скатерть английской королевы (<i>Кадам</i>)	217
Вексель Спиридона Козлова (<i>Елатьма</i>)	253
Золотая комета о пяти лучах (<i>Заволжск</i>)	288
Грабли, соединенные с косой (<i>Шацк</i>)	326

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Иной раз копаешься в истории какого-нибудь заштатного городка Рязанской или Вологодской губернии, рассматриваешь в лупу давно поросшее быльем, но все еще кровоточащее и думаешь: что же было хорошего... Сначала воевали между собой, потом пришли монголы с татарами, потом терпели их и в промежутках воевали между собой, потом растворили в себе татар и началась опричнина. Терпели ее, висели на дыбах, варились в кипятке и клали головы на плаху. Потом опричнина кончилась и началась Смута, когда пришлось терпеть поляков, казаков и успевать еще воевать между собой. Потом прогнали поляков, растворили казаков и стали раскалываться. Убегали в дремучие леса и заживо горели в срубках. Потом стали воевать со шведами, турками, австрияками, поляками,дохнуть как мухи на строительстве новой столицы и служить в армии, пока не убьют или не забьют шпицрутенами. И при этом успевали гнуть спину на барщине, приносить оброк, перебиваться с хлеба на квас, терпеть, когда тебя секут на конюшне или твою жену наряжают вакханкой и ведут к барину в опочивальню. Потом пришли французы, и снова

пришлось идти в атаку, умирать, но не сдаваться, колоть штыками, брать Париж и возвращаться к барщине и розгам на конюшне. Потом еще терпели, терпели... и стали бросать бомбы, убили того, кто освободил, но без земли, убили... убили... убили... Потом пришли большевики, стали терпеть их и на Колыме вспоминать, как было хорошо, когда на конюшне... Потом пришли немцы... Потом снова... Потом думали, что вот сейчас уж точно увидим небо в алмазах, но алмазы кто-то успел... и осталось только голое небо. Господи, да что же было хорошего?! Разве только гениальная литература о том, что все плохо, военные оркестры, играющие вальсы в городском саду перед отправкой на фронт, любительские спектакли, после которых были танцы, ледяное шампанское в буфете и бой конфетти, маковые пряники, тридевять земель, за которые можно убежать, чудом дошедшее письмо с фронта или из лагеря о том, что жив, теплые шерстяные носки ручной вязки и леденцы на палочке. И еще мечты о том, что все будет хорошо или уже было, но мы не заметили. Впрочем, если как следует поискать в том, что давно поросло быльем, то можно...

КАК МАЛЫЕ РЕБЯТА ГОРОХ ВОРОВАЛИ

Каждому писателю хочется начать свой рассказ, или повесть, или роман с какой-нибудь особенной, эффектной фразы, после которой читатель уже ни за что не сможет оторваться от повествования. Хорошо, если ты рассказываешь о Париже или о Мадриде. Про Париж и говорить нечего. Просто берешь в качестве эпиграфа строчку Бродского «В Париже, ночью, в ресторане...», и она за собой сама дальше потащит твой рассказ, как на веревочке. Да и с Мадридом ничуть не сложнее. «Ах, наконец достигли мы ворот Мадрита! Скоро я полечу по улицам знакомым, усы плащом закрыв, а брови шляпой». Да будь ты хоть бритый бухгалтер преклонных годов в засаленном халате и шлепанцах, а все равно подкрутишь несуществующие усы, залихватски заломишь бровь, запахнешься халатом и полетишь за автором по незнакомым улицам. Ты найди такую фразу, когда станешь рассказывать о райцентре Сергач в Нижегородской губернии. Тут хоть наизнанку вывернись, хоть всего Бродского перетряси и всего Пушкина...

Хотя... если уж зашла речь о Пушкине, то в одной всем известной с детства пушкинской повести написано, что «Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойного его родителя...». Здесь заинтригованный читатель непременно должен спросить: при чем здесь сельцо Кистеневка, если автор завел речь о городе Сергач и... Всему свое время, ответу я, будет и про сельцо Кистеневка, а пока начну с самого начала.

Столица Припьянья

С самого начала надо сказать, что Сергач — столица. Его называют столицей Припьянья. Такие слова с двумя мягкими знаками надо, конечно, произносить на трезвую голову. С другой стороны, как его еще назвать, если это единственный город, расположенный в бассейне реки Пьяны. И реку эту тоже никак по-другому не назвать — она течет точно пьяная. От устья до истока чуть больше шестидесяти километров, а общая длина почти в семь раз больше. Ее по этому поводу даже занесли в Книгу рекордов Гиннеса, как самую извилистую реку в мире¹. Во времена доисторические, когда в этих местах никто, кроме медведей, рысей, волков, кабанов и лосей, не жил, росли здесь липовые и дубовые леса. Теперь их почти все извели. Остались лишь небольшие участки того самого леса в трех или четырех местах, да возле села Крутец, что в тридцати километрах от Сергача, растут несколько трехсотлетних дубов².

1 Пьяна — очень живописная река. Неподалеку от Сергача на ее берегу есть село Игнатово. В 1897 году там несколько месяцев прожил С. В. Рахманинов. После провала Первой симфонии у него был нервный срыв, и врач посоветовал Рахманинову отдохнуть и успокоиться. Он и поехал успокаиваться в Игнатово, в усадьбу своего родственника, отставного генерала Скалона. Когда экскурсовод в краеведческом музее, рассказывая о жизни композитора в Игнатове, сказала: «Каждый день Рахманинов по Пьяне катался на лодке», я подумал, что эту фразу лучше читать, чем произносить вслух. Мало ли как могут ее понять.

2 В разгар перестройки, когда от громадьа планов кружились головы, власти думали для привлечения своих и особенно иностранных туристов наковать красивых золотых цепей, закупить ученых котов да посадить их на эти цепи, чтобы днем и ночью... Составили смету, выпросили денег в области на одну хоть и не золотую, но позолоченную цепь и одного ученого кота, которого планировали закупить в специальном питомнике при одном из немецких университетов. Составили комиссию, в которую вошли компетентные фелинологи, а проще говоря — котоведы из районной и областной администраций, купили специальную клетку для перевозки

Во времена, близкие к историческим, сюда заниматься земледелием, охотой и рыболовством пришли эрзяне и мокшане, которых пришедшие позже славяне стали называть мордвой. С тех времен остались стоять на окраине Сергача курганы, которые местные жители старались, особенно в сумерки и по ночам, обходить стороной. Молва приписывала курганы Ивану Грозному. Дескать, шел он брать Казань и велел насыпать курганы. Ну а кому же еще их приписать, если не царю? Это же курганы, а не куличики из песка. Думали так долго, пока в конце девятнадцатого века археологи их не раскопали. Оказалось, что это древнемордовские могильники второго века. Нашли в них бронзовые браслеты, железные мечи, наконечники стрел и все, что полагается находить в таких случаях.

Следующую тысячу лет в предыстории Сергача можно пропустить. Кроме обычной жизни, не происходило ничего, и это ничего было лучшим из того, что могло происходить. Ловили рыбу, пахали землю, ходили на медведя и уносили от него ноги, били белку, куницу, охотились на рысь и кабана, собирали мед и варили пиво, которое текло по усам.

В начале тринадцатого века время пошло быстрее. Припьянье стало заселяться русскими. Заселялись русские осторожно, поскольку опасались близкого соседства с мордвой, а заселившись, стали уже вместе с мордвой опасаться монголов, которых приводили в эти места Батый и Субэдэй. Пришлось построить целую оборонительную линию, состоявшую из маленьких острогов, по левым берегам Пьяны, Теши и Суры. Остроги были не

ученого кота, сборник сказок, которые он должен будет выучить, раздали членам комиссии командировочные в валюте, купили билеты в Париж и улетели^{*}.

^{*} Это, собственно, вся история. Продолжения у нее не было. Правда, еще какое-то время искали цепь, но ее тоже не нашли. Было еще, кажется, письмо из-за границы с просьбой прислать хоть немного денег, поскольку обучение кота встало в копеечку, а жизнь в Париже больно дорога.

столько оборонительными, сколько сигнальными. Гарнизоны в них были небольшие. Как увидят неприятеля, так посылают гонца в другой острог, расположенный верст за десять от этого. Гонец скакал по специальной дороге, минуя защитные завалы из подсеченных деревьев и частоколы из заостренных бревен у бродов. Скакал быстро. Весть о появившемся неприятеле доходила до Нижнего и Мурома в тот же день, а до Москвы — на следующий. В сторожевые дозоры ходили круглосуточно. Состав гарнизонов был многонациональный — русские, мордва, татары. И по сей день, спустя восемь веков, вдоль этой оборонительной линии расположены русские, мордовские и татарские деревни.

Весной 1337 года в эти места двинулся с большим войском татарский хан Арапша, состоявший на службе у Мамай. Судя по описанию русских летописцев, это был татарский Бонапарт: «карла станом, но великан мужеством, хитр на войне и свиреп до крайности». Строго говоря, полчищ Арапши никто пока не видел, но слухи поползли упорные. Нижегородский князь Дмитрий Константинович, известившись об этих полчищах, послал гонца в Москву к своему зятю, великому князю Дмитрию Ивановичу. Московский князь незамедлительно прибыл на помощь нижегородцам с большим войском, постоял, постоял... и убыл обратно, не дождавшись Арапшу. Князь, однако, оставил муромские, владимирские, ярославские, юрьевские и переяславские полки вместе с их воеводами. Нижегородский князь присоединил к этому войску суздальцев и нижегородских дружинников. Вся эта соединенная рать выдвинулась за реку Пьяну и стала ждать Арапшу с его войском. Тот, однако, и не думал появляться. Ходили слухи, что он далеко, на притоке Донца. Дело было в середине июля. Ходить дозором в кольчуге, в шлеме, в кольчужных рукавицах, с боевым топором, щитом, луком, копьем, да еще и волочить за собой тяжеленный меч... Короче говоря, все расслабились и «аки в бане растрепались». Еще и пить начали так,

точно Арапшу с его войском уже победили. Летописец, обливаясь слезами, отмечал: «Любляху же пьянство зело, когда где находили пиво, и мед, и вино упивахуся без меры. Глаголили, что каждый из них с сотней татар справится».

И доглаголились. На исходе второй недели ожидания Арапша, проведенный мордовскими князьями к месту стоянки русских войск, ударил сразу с пяти направлений. Полуголые и пьяные, русские воины бросились врассыпную. Один из нижегородских князей был зарублен, самый главный нижегородский князь Дмитрий Константинович бежал со своими боярами не останавливаясь до самого Суздаля, а татары через три дня после Пьянского побоища объявились под стенами Нижнего Новгорода. «И бысть на всех ужас велий и страх мног, и изнемогоши вси...»

Какое это имеет отношение к городу Сергач, спросит читатель? А такое, отвечу я, что, по преданию, вдовы и дети нижегородских воинов, погибших в битве, вернулись на место их захоронения и основали село с говорящим названием Кладбищи, а уж рядом с этим селом и вырос впоследствии город Сергач.

Человек по имени Серга

Как и у всякого уважающего себя русского города, у Сергача есть не одна и не две легенды, рассказывающие о происхождении его названия. По первой легенде, на месте деревни, из которой потом вырос Сергач, стояла часовня во имя Сергия Радонежского. От часовни пошло название деревни Сергиевка, а от деревни — города. Вторая легенда говорит о том, что первым жителем будущего города был человек по имени Серга, названный так потому, что носил в ухе серьгу. Серга вообще не собирался быть первопоселенцем, а жил отшельником, но не один, а с медведем. Медведь был обучен разным смешным фокусам и редких гостей отшельника потешал как мог, поскольку, в отличие от отшельника, очень скучал

в этой глуши. По третьей легенде... Впрочем, она скорее не третья, а разновидность второй. Так вот, по ней, первопоселенцем был не Серга с медведем, а мордвин Сергас. Был он бортником, то есть отбирал мед у диких пчел¹. Жил без медведя. Медведь в такой профессии не помощник. Это как же получается — сначала отбери мед у пчел, а потом у медведя... Сергас дал свое имя не только городу, но и речке, которая теперь называется Сергачкой. По третьей легенде, название города тюркского происхождения и означает желтое дерево — сарыгагач. Как раз на южной стороне холма, где начинался Сергач, в сильную засуху вся листва желтая уже в середине лета — почвы там мало, и близко к поверхности подходит известняк. Местные татары, особенно те, кто плохо говорит по-русски, нет-нет да и назовут Сергач Сарыгагачем. Четвертая легенда уже ближе к фактам. В Никоновской летописи, в «Повести о приходе Тохтамыша на Москву», Сергач упоминается под именем Сернач. Почему Сернач... Должно быть, в четырнадцатом веке в том месте водилось много серн, на которых охотились местные жители, или было месторождение серы — ценного сырья для производства пороха. Может, просто летописец перепутал одну букву. Впрочем, это уже будут пятая и шестая версии. Куда их девать... Остановимся на Никоновской летописи, по которой Сергач существует с 1382 года. Скорее всего, город был тогда маленьким острогом, выполнявшим сторожевую службу. После взятия Казани войсками Ивана Грозного нужда в Сергаче отпала, и он... исчез. То ли был архивирован и перемещен из корневой папки в какую-нибудь подпапку, то ли бревна частокола, которыми он был окружен, растащили местные жители, то ли просто сгнил на корню, — так или иначе из летописей Сергач на какое-то время пропал.

¹ Надо сказать, что здешний липовый мед был такого отменного качества, что его даже поставляли к царскому столу.